

Соколенко Артём Васильевич

УЧАСТИЕ ПОГРАНИЧНЫХ КОМИССАРОВ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В БОРЬБЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье раскрываются предпосылки участия и роль пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в осуществлении задач по обеспечению государственной безопасности Российской империи на Дальнем Востоке в начале XX века. Основное внимание автор акцентирует на механизме взаимодействия пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства с другими органами и учреждениями в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 152-157. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 341.61:327.84:355.40(571.6)“19”(045)

Исторические науки и археология

В статье раскрываются предпосылки участия и роль пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в осуществлении задач по обеспечению государственной безопасности Российской империи на Дальнем Востоке в начале XX века. Основное внимание автор акцентирует на механизме взаимодействия пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства с другими органами и учреждениями в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX века.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток; Приамурское генерал-губернаторство; пограничные комиссары; обеспечение государственной безопасности; контрразведка; иностранная разведка; взаимодействие.

Соколенко Артём Васильевич

*Тихоокеанский государственный университет
forum5022@mail.ru*

УЧАСТИЕ ПОГРАНИЧНЫХ КОМИССАРОВ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В БОРЬБЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.®

В современном мире для осуществления сотрудничества по предупреждению пограничных инцидентов, проведения совместных расследований и их урегулирования в международной практике сложился институт пограничного представительства. В Российской империи существовал схожий по функциям институт пограничного комиссарства, который являлся особым учреждением Министерства внутренних дел по защите национальных интересов России на конкретном участке государственной границы, с некоторыми делегированными от Министерства иностранных дел полномочиями. Целью данной статьи является освещение роли пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с разведывательной и иной деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в.

В Приамурском генерал-губернаторстве в начале XX в. было три управления пограничных комиссаров: Кяхтинское пограничное комиссарство (место резиденции – Кяхтинская слобода Забайкальской области), Управление пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае (место резиденции – с. Новокиевское Приморской области; ныне посёлок Краскино Хасанского района Приморского края – А. С.) и пограничное комиссарство Амурской области (место резиденции – г. Благовещенск Амурской области). Кяхтинское пограничное комиссарство было создано в 1783 г. [32, с. 96-97]. 9 февраля 1863 г. после административного преобразования Кяхтинского градоначальства управление пограничного комиссара было переподчинено военному губернатору Забайкальской области, а 16 июня 1884 г. вместе с Забайкальской областью было передано в образованное Приамурское генерал-губернаторство. После того как 17 марта 1906 г. Забайкальская область была включена в состав Иркутского генерал-губернаторства, Кяхтинский пограничный комиссар находился в ведении Иркутского генерал-губернатора [9, с. 35-36; 10, с. 88-90; 12, с. 91-92; 15, с. 81]. В Южно-Уссурийском крае управление пограничного комиссара было учреждено 12 ноября 1869 г., а должность пограничного комиссара Амурской области была учреждена гораздо позже – 15 апреля 1896 г. Пограничные комиссары подчинялись по всем делам военным губернаторам Забайкальской, Приморской и Амурской областей соответственно [9, с. 35, 187-188; 11, с. 29-30].

Круг обязанностей и полномочий пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства определялся двусторонними международными договорами между Российской империей и Китаем, Российской империей и Кореей, инструкциями, составляемыми Приамурским генерал-губернатором и согласованными с другими ведомствами, а также различными инструкциями, составленными военными губернаторами для казачьих войск по вопросам пограничной службы [9, с. 35, 188; 11, с. 30; 17, д. 307, л. 1-3; 20, с. 35, 38-40; 21, с. 364; 33, с. 86-88].

После того как 25 ноября 1896 г. при Приамурском генерал-губернаторе была учреждена должность чиновника по дипломатической части, по ряду вопросов пограничные комиссары стали замыкаться на него [2, с. 217]. Правда, с 1905 по 1908 гг. эта должность была вакантной [16, с. 27]. По порядку несения «кордонной службы» (охраны, пропуска лиц и товаров через государственную границу – А. С.) с 1879 г. особая Уссурийская казачья конная сотня, а с 1889 г., после выделения казачьего населения Уссурийского полубатальона из состава Амурского казачьего войска, Уссурийское казачье войско подчинялись пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае. На пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае возлагалось руководство охраной сухопутного участка границы от устья реки Туманган (р. Туманная), впадающей в Японское море на юге края, до станицы Графское на р. Уссури (ныне участок российско-китайской границы близ г. Дальнереченска Приморского края – А. С.) [10, с. 231-232; 30, с. 12, 24-33; 33, с. 86-90]. Кроме того, с 1898 г. два казачьих поста, расположенных за правым берегом р. Зея, выставляемых от Амурской казачьей округи, по всем делам, касающимся пограничной службы, стали подчиняться пограничному комиссару Амурской области [17, д. 307, л. 1].

Пограничным комиссарам было дано право организовывать взаимодействие с китайскими, корейскими и монгольскими представителями по вопросам состояния охраны государственной границы, выполнять режимно-пропускные мероприятия во взаимодействии с казачьими постами на границе, а позже – с таможенными органами, принимать непосредственное участие в урегулировании дипломатическим путём пограничных конфликтов и споров, а также осуществлять иную пограничную деятельность [2, с. 217-221; 17, д. 307, л. 1-3; 29, с. 133-138; 33, с. 85-90].

Кроме этого, до русско-японской войны 1904-1905 гг. Южно-Уссурийский пограничный комиссар исполнял функции российского консульского агента в Корее в городе Кенгхыне и осуществлял визирование паспортов корейцев, приезжающих в Приморскую область, а пограничный комиссар Амурской области только после того, как 10 мая 1912 г. в Китае в г. Айгуне было учреждено Императорское российское вице-консульство, был освобождён от исполнения таких консульских функций, как рассмотрение судебных тяжб между населением порубежных государств и охрана интересов русских подданных, проживающих на китайской стороне [1, с. 230; 1414, с. 31-32; 19, инв. № 2416, л. 1 – 1 об., 8].

Помимо указанных официальных функций на пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства возлагались и другие функции, носящие негласный характер. Речь идёт об осуществлении разведывательных и контрразведывательных мероприятий. Весь период существования пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства сбор разведывательной информации являлся их основной деятельностью при выполнении задач по обеспечению внешней безопасности Российской империи на Дальнем Востоке. Сведения, полученные от пограничных комиссаров, представляли большой интерес для Приамурского генерал-губернатора, военных губернаторов областей, штаба Приамурского военного округа и органов жандармерии Дальнего Востока России [2, с. 221]. Как правило, информация, полученная от пограничных комиссаров, обязательно включалась в сводки разведывательных сведений штаба Приамурского военного округа о Японии, Китае и Корее [23, д. 23, л. 81]. Однако менее известна другая сторона деятельности пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства – их участие в мероприятиях по противодействию разведывательной и иной деятельности иностранных разведок.

До русско-японской войны 1904-1905 гг. пограничные комиссары с делом борьбы со шпионажем и иной деятельностью иностранных разведок на вверенных им территориях и приграничных территориях сопредельных государств практически не соприкасались. В случае получения определённых сведений они сообщали их заинтересованным органам и как лица, отвечающие за пропуск лиц на вверенных им участках границы, были задействованы в механизме установления негласного наблюдения за подозрительными иностранцами: различного рода дипломатами, коммерсантами и путешественниками, прибывающими в Приамурское генерал-губернаторство или проезжающими транзитом через его территорию. Пограничные комиссары сообщали органам полиции о прибытии или убытии указанных иностранцев.

Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в контрразведывательных мероприятиях активизировалось с началом русско-японской войны 1904-1905 гг. В условиях военных действий органами военного, местного управления и безопасности для обеспечения государственной безопасности России на Дальнем Востоке была востребована любая помощь, в том числе и возможности пограничных комиссаров. Русско-японская война показала, что пограничные комиссары хорошо справлялись с задачами по выполнению как разведывательных, так и контрразведывательных мероприятий, поэтому с окончанием войны участие пограничных комиссаров в этой деятельности не прекратилось. С приходом на должность Приамурского генерал-губернатора инженер-генерала П. Ф. Унтербергера стали усиленно проводиться мероприятия по противодействию деятельности иностранных разведок в Приамурье, особенно японской. Отсутствие специальных органов контрразведки, малочисленность жандармских чинов и чинов общей полиции, особенности административного управления краем, а также его физико-географические и другие особенности привели к тому, что для борьбы со шпионажем и проведения отдельных мероприятий по контрразведке стали привлекаться различные органы и учреждения, в том числе и пограничные комиссары.

После русско-японской войны под пристальным вниманием иностранных спецслужб на Дальнем Востоке России находился процесс строительства Амурской железной дороги. При этом Амурская область была более уязвимой в деле обеспечения внешней безопасности, чем, в частности, Приморская область. Учреждённый в марте 1908 г. Благовещенский розыскной пункт ведал вопросами политического розыска. Только 25 декабря 1910 г. Особый отдел Департамента полиции в циркуляре № 119955 обязал политическую полицию целенаправленно осуществлять работу по направлению контрразведки, в том числе оказывая содействие в этом органам военного ведомства, так как до этого времени начальники жандармских управлений и охранных отделений если и вели какую-либо работу в области контрразведки, то по собственной инициативе и чаще всего совершенно обособленно от органов военного ведомства [6, д. 39 (1911 год), л. 72 – 73 об.]. Первые чины железнодорожной жандармской полиции появились в Амурской области только лишь в 1910 г. Функции же общей полиции осуществляли Благовещенское городское полицейское управление и на всю область всего одно Амурское уездное полицейское управление в составе уездного начальника, его помощника и 4-х приставов. В Приморской области, в отличие от Амурской, к этому времени была железнодорожная, крепостная жандармерия и оказывающие им содействие органы общей полиции, имеющиеся почти в каждом городе и уезде органы политического розыска [3]. Поэтому в такой ситуации для учреждения контроля за иностранцами местные власти Амурской области вынуждены были задействовать другие силы, возлагая на них исполнение не свойственных для них функций контрразведки. В столице Амурской области

г. Благовещенске, растянувшимся вдоль Амура, располагался основной переходный пункт области через границу, и через город проходили все речные маршруты. В этой связи управлению пограничного комиссара Амурской области, несмотря на большой объём работы, нехватку сил и отсутствие средств, приходилось решать самые разные задачи, в том числе и по контрразведке.

Пограничный комиссар Амурской области Н. Д. Кузьмин активно включился в борьбу со шпионажем. 20 сентября 1908 года он представил военному губернатору Амурской области генерал-майору А. В. Сычевскому доклад, в котором обратил внимание на существование на Дальнем Востоке Российской империи и на территории России в целом созданных японскими подданными нелегальных тайных обществ, в том числе и так называемых обществ взаимопомощи. Кузьмин подробно изложил структуру и порядок деятельности этих обществ и подметил тот факт, что руководители обществ являются воспитанниками школы иностранных языков в Токио и неофициальными ближайшими агентами для своих консулов [7, д. 2, л. 279а].

Военный губернатор Амурской области направил копию доклада пограничного комиссара в канцелярию Приамурского генерал-губернатора, и оттуда для ознакомления этот материал был препровождён военному губернатору Приморской области генерал-майору В. Е. Флугу. Губернатор поручил органам городской и уездной общей полиции проверить сведения, представленные в докладе. И практически в это же время, 3 ноября 1908 г., штаб Владивостокской крепости направил губернатору новый устав тайного японского общества «Урадзива Киорюминкай Кисоку» и объяснительную записку к уставу студента Восточного института во Владивостоке Л. А. Богословского, в которой тот отметил, что с точки зрения русских государственных интересов существование этого общества является безусловно вредным, в том числе и потому, что это лучшая организованная система шпионства [7, д. 2, л. 286; 34, с. 28-31].

Вообще сведения Кузьмина и Богословского о наличии в Приамурском крае тайных японских обществ не были сенсацией, так как и до их докладов подобные материалы уже существовали. В частности, драгоман российско-императорского генерального консульства в Сеуле, коллежский секретарь П. Ю. Васкевич в своей записке под названием «Японцы во Владивостоке» от 5 января 1907 г. сообщал о деятельности во Владивостоке тайного японского общества «Урадзива Киорюминкай». В марте 1907 г. министр иностранных дел А. П. Извольский направил записку Васкевича для ознакомления П. А. Столыпину. И уже тогда Столыпин после прочтения записки Васкевича отдал указание Департаменту полиции, написав на сопроводительном письме Извольского: «Надо обратить особое внимание генерал-губернатора (*имеется в виду Приамурского генерал-губернатора – А. С.*) на лазутчиков» [5, д. 209, л. 1-8].

Военный губернатор Приморской области генерал-майор В. Е. Флуг, ознакомившись с материалами, полученными из штаба Владивостокской крепости, ответил начальнику штаба, что по указанию Приамурского генерал-губернатора уже отдал необходимые поручения чинам полиции об установлении тщательного наблюдения за японцами и выяснения проверки сведений, в том числе указанных в докладе пограничного комиссара Амурской области Н. Д. Кузьмина. Опасения военного губернатора Приморской области относительно вредной деятельности японцев оправдались. В декабре 1908 г. и январе 1909 г. от полицмейстеров и начальников уездов Приморской области поступили доклады, в которых они подтвердили существование на вверенных им территориях тайных японских обществ, действующих по схеме подобной той, что была представлена в докладе пограничного комиссара Амурской области. Более того, Николаевский полицмейстер отметил существование на вверенной ему территории тайного японского общества «Урадзива Киорюминкай» [7, д. 2, л. 299-304]. Такое положение дел заставило дальневосточные органы местного управления и безопасности принимать срочные меры по выявлению подобных тайных обществ с целью пресечения их возможной разведывательной и иной подрывной деятельности. В совокупности с другими материалами этому поспособствовали и сведения, полученные от пограничного комиссара Амурской области.

Нередко пограничный комиссар Амурской области являлся ответственным и за организацию контрразведывательных мероприятий. В мае 1910 г. военный губернатор Амурской области поручил пограничному комиссару организовать негласное наблюдение за неким китайским гражданином Лянем (*Лянь – А. С.*), которого китайские власти направили в г. Харбин и Приамурское генерал-губернаторство для получения секретной информации о российских дипломатических сношениях. Пограничный комиссар Н. Д. Кузьмин действовал в этой операции отдельного корпуса жандармов ротмистра, заведующего розыскным пунктом в г. Благовещенске, полицмейстера г. Благовещенска, председателя войскового правления Амурского казачьего войска и управляющего Благовещенской таможенной заставой [22, д. 87, л. 6-7]. Информация о том, что Лянь появлялся на территории Амурской области, в архивных источниках не найдена. Тем не менее можно предположить, что принятые пограничным комиссаром меры исключили возможность получения каких-либо секретных сведений Лянем на территории Амурской области.

Даже когда в июне 1909 г. для обслуживания районов, прилегающих к Амурской железной дороге, был введён штат станových приставов и полицейской стражи, который с ходом строительства дороги постепенно увеличивался, а 17 июня 1910 г. установлен временный штат жандармского полицейского управления Амурской железной дороги [4, д. 26, л. 4 – 4 об., 6 – 7 об., 213; 1312, с. 48-49; 25, д. 688, л. 4; 26, д. 857, л. 9-10], пограничный комиссар Амурской области всё также оставался важным органом для осуществления контроля за иностранцами. Об этом свидетельствует тот факт, что в июне 1912 г. по приказанию военного губернатора Амурской области пограничный комиссар Амурской области требовал от должностных лиц, отвечающих за безопасность на строящейся Амурской железной дороге (например, пристав на постройке Восточной части

Амурской железной дороги), установить строгий надзор за японцами и обо всём замеченном немедленно доносить ему для доклада губернатору [8, д. 2, л. 5]. В ноябре 1912 г. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, обращаясь к вновь назначенному пограничному комиссару Амурской области подполковнику Н. А. Спешневу, особо отметил, что «вообще пограничный комиссар должен быть в курсе всех вопросов, связанных с жёлтым населением, как в самой области, так и в пределах сопредельной с нами Маньчжурии, быть “глазами и ушами” краевой и областной администрации в жёлтом вопросе» [19, инв. № 2416, л. 2].

Пограничный комиссар Амурской области старательно выполнял указание главного начальника края. Благодаря этому ещё до начала Первой мировой войны у пограничного комиссара Амурской области уже имелись подробные сведения о корейских обществах «Сэк-чжен-хой», «Куон-оп-хой», «Кук-Мин-Хой» и его боевой ячейке «Пи-мир-хой», китайских обществах «Шан-у-хуй», «Шан-Дун-Тун-Сян-Хуй», образовавшихся после объединения в 1914 г. китайских обществ: «Шан-Дун», «Чжи-Ли», «Сан-Цзян Тун-Сян-Хуй», японском обществе «Урадзива Киорюминкай» и др. [Там же, л. 40-54].

Хабаровское контрразведывательное отделение после учреждения в июле 1911 г. также стало взаимодействовать с пограничными комиссарами по различным служебным вопросам. Начальник Хабаровского КРО ротмистр В. В. Фиошин давал достаточно много поручений по наблюдению и установлению контроля за подозрительными личностями на вверенной пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае территории. Правда, при этом Фиошин значительно преувеличивал возможности тех должностных лиц, которые должны были их выполнять. Пограничный комиссар по этому поводу писал, что у пристава Посьетского стана нет в таком количестве сил и средств, чтобы выполнять все поручения начальника Хабаровского контрразведывательного отделения. К сожалению, просьбы пограничного комиссара к военному губернатору Приморской области, а также военного губернатора к начальнику штаба Приамурского военного округа об увеличении ассигнования на секретные нужды не увенчались успехом. Тем не менее пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае регулярно докладывал военному губернатору Приморской области об организации сети шпионских организаций, вербовавших корейцев, проживающих в приграничных с Россией районах Китая и Кореи, состоянии и шпионских целях японской жандармерии в Северной Корее, наблюдающей за российской границей [7, д. 1, л. 17-17а, 20 – 20 об., 22, 26-27; 24, д. 1620, л. 18 – 22 об.].

Интересен механизм участия пограничных комиссаров в период Первой мировой войны в схеме обеспечения безопасности Приамурского края. Во-первых, пограничные комиссары по вопросам противодействия шпионажу продолжали оказывать содействие заведующим розыскными пунктами и начальнику Хабаровского контрразведывательного отделения подполковнику А. А. Немысскому. Взаимодействие пограничных комиссаров с органами государственной безопасности Приамурского генерал-губернаторства проявлялось чаще всего в получении особых сведений или консультаций, относящихся к китайцам, корейцам или японцам, а также образованным ими нелегальным обществам. Так, пограничный комиссар Амурской области в сентябре 1915 г. – апреле 1916 г. по просьбе заведующего розыскным пунктом в г. Благовещенске ротмистра М. М. Богацевича для начальника Хабаровского КРО ротмистра А. А. Немысского проверял сведения о возможном существовании в Амурской области причастного к шпионажу китайского общества «Кон-ин-хуй» и японского патриотического общества «Бынь-вянь-цынь-фынь-кио-чан», как позже выяснилось по сведениям пограничного комиссара, правильная транскрипция которого «Хонь-гань-дзи-фынь-кио-цио», представляющего собой не патриотическое общество, а отделение буддийского храма (молельни) «Хон-ган-дзи», в котором японский священник буддист Накамура Иосинацу осуществлял богослужения для японцев-прихожан. Однако проповеди и речи священника действительно были нацелены на воззвание к патриотическим чувствам японцев, чтобы побудить их помогать и осуществлять разведку на территории Российской империи. Кроме того, пограничный комиссар Амурской области осуществлял перевод с китайского и японского языков на русский собранных Богацевичем материалов, предположительно имеющих отношение к этим обществам. Позднее, в сентябре 1916 г., пограничный комиссар Амурской области вёл переписку с Богацевичем о существовании нелегального корейского общества «Пун-зо», деятельность которого по сведениям заведующего Благовещенским розыскным пунктом была направлена на подрыв продовольственной безопасности путём искусственного завышения цен на овощи, в частности на картофель [27, д. 7, л. 1 об., 5 – 7 об., 12, 16-17, 19-20, 22 – 22 об., 51-52, 57, 59 об., 61 – 61 об., 65 – 71 об.].

Во-вторых, пограничные комиссары принимали непосредственное участие в организации мероприятий по противодействию разведывательной, диверсионной и иной подрывной деятельности, организованной немецким представительством в Китае против Российской империи на Дальнем Востоке. Германия планировала дестабилизировать обстановку на Дальнем Востоке путём обострения отношений России с Китаем, осуществлять диверсии на российских железных дорогах; содействовать «побегам германских, австро-венгерских и турецких военнопленных из мест содержания за границу» и мн. др. Целью германского правительства было создать такие условия на Дальнем Востоке, из-за которых Российской империи пришлось бы оставить здесь свои войска и не перебрасывать их на фронт или, по крайней мере, как можно дольше задержать их здесь. Для организации диверсионной деятельности в Маньчжурии и Приамурье германские представители формировали и использовали шайки хунхузов [18, с. 50-51].

С учетом этого информация об обстановке близ российской границы была очень важна, для чего в ходе Первой мировой войны, в частности, казаки систематически осуществляли разведку приграничных территорий Китая и Кореи. Пограничные комиссары регулярно получали доклады от атаманов станичных правлений

Амурского и Уссурийского казачьих войск. В докладе пограничному комиссару Амурской области атаман Инокентьевского станичного правления за март 1915 г. писал, что «станичное правление доносит, что на правом берегу против Инокентьевского станичного округа к 1 апреля сего года (1915 – А. С.) находится... жителей обоего пола: китайцев 380, ороchon 122, японцев 27. Ороchоны занимаются охотой на зверя, китайцы продают разного рода контрабанду... японцы содержат проституцию. <...> Из числа китайцев 28 солдат вооружённых и составляющих полицию» [22, д. 61, л. 22 – 22 об.]. В докладе атамана Радеевского станичного правления за июнь 1915 г. читаем: «...по донесению разведчиков на правом берегу Амура напротив района станичного округа проведенный колёсных дорог и телеграфных линий от р. Амур в глубь страны не было» и т.п. [Там же, л. 46].

По поручению Приамурского генерал-губернатора пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае во взаимодействии с Полтавским станичным атаманом и управляющим Полтавской таможенной заставой проводили мероприятия по выявлению хунхузских шаек, которыми руководили германские офицеры. Имелись сведения о том, что они готовили нападение на город Никольск-Уссурийский со стороны города Санчагоу (Китай) с целью освобождения военнопленных в Приамурском крае. В результате проведённых мероприятий было установлено, что эта информация в какой-то мере подтвердилась, но в большей степени являлась слухами, обросшими различными домыслами. Тем не менее 21 июля 1915 г. пограничный комиссар написал в канцелярию Приамурского генерал-губернатора, что были получены секретные сведения о том, что трое германцев действительно вышли из г. Куаченцзы в северном направлении с агитационной целью и для формирования хунхузских шаек [26, д. 864, л. 11]. В целом в ходе Первой мировой войны длительный опыт работы пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства с китайским, корейским и японским населением был востребован для борьбы с вражеской разведывательно-подрывной и иной деятельностью.

Эти и другие факты участия пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в различных мероприятиях по обеспечению государственной безопасности России свидетельствуют об их разносторонней деятельности, в рамках которой они выполняли широкий спектр поставленных перед ними задач. После февральских событий 1917 года дальневосточные пограничные комиссары продолжали выполнять свои обязанности [30, с. 27]. По сведениям дальневосточного историка С. Н. Савченко в ходе гражданской войны на Дальнем Востоке России представитель белой власти Приморский областной комиссар И. И. Циммерман в начале октября 1918 г. предложил пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае полковнику Н. Д. Кузьмину восстановить в полном объеме деятельность управления пограничного комиссара [28, с. 42]. Однако с установлением советской власти на Дальнем Востоке России в 1922 г. управление Южно-Уссурийского пограничного комиссара перестало существовать [30, с. 32-33]. Управление пограничного комиссара Амурской области прекратило свою деятельность ещё раньше, к концу 1921 г. [31].

Таким образом, пограничным комиссарам Приамурского генерал-губернаторства в начале XX в. в своей работе приходилось решать широкий спектр задач по вопросам обеспечения внешней безопасности. Находясь в ведении МВД Российской империи, пограничные комиссары тесно взаимодействовали с российскими органами других ведомств на Дальнем Востоке. Они принимали участие в борьбе против разведывательной и иной деятельности иностранных государств в приграничных районах Приамурского генерал-губернаторства, направленной на нанесение ущерба безопасности России. После отречения императора Николая II от престола пограничный комиссар Амурской области и Южно-Уссурийский пограничный комиссар продолжали работать, в период гражданской войны на Дальнем Востоке России 1918-1922 гг. необходимость их функционирования была признана и новой белой властью. Однако с установлением советской власти на Дальнем Востоке России пограничные комиссары Амурской области и Южно-Уссурийский пограничный комиссар оказались не востребованы, и в 1922 г. их деятельность была прекращена. В целом институт пограничных комиссаров в конце XIX – начале XX в. являлся важной частью механизма обеспечения государственной безопасности Российской империи на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. **Алепко А. В.** Российская разведка в Северо-Восточном Китае (1896-1914 гг.). Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. 309 с.
2. **Буяков А. М.** На передовом рубеже России в Северо-Восточной Азии: краткий очерк истории пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае // Россияне в Азии: литературно-исторический ежегодник. Торонто, 1995. № 2. С. 215-224.
3. **Гамерман Е. В.** Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Вестник ДВО РАН. 2005. № 5. URL: <http://eps.dvo.ru/vdv/2005/5/pdf/vdv-164-168.pdf> (дата обращения: 14.05.2015).
4. **Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).** Ф. 214 (Правление Амурской железной дороги). Оп. 1.
5. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 237. Особый отдел. 1907 г.
6. **ГАРФ.** Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 316. Особый отдел. 1898-1917 гг.
7. **Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).** Ф. И-16 (Жандармско-полицейские управления). Оп. 1.
8. **ГАХК.** Ф. И-16 (Жандармско-полицейские управления). Оп. 7.
9. **Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862-1870 гг.** Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока; Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2004. 224 с.
10. **Дальний Восток России в материалах законодательства. 1881-1889 гг.** Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2005. 260 с.

11. **Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896-1899 гг.** Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2007. 344 с.
12. **Дальний Восток России в материалах законодательства. 1906 г.** Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2014. 294 с.
13. **Дальний Восток России в материалах законодательства. 1910-1911 гг.** Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2011. 258 с.
14. **Дальний Восток России в материалах законодательства. 1912-1913 гг.** Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2013. 258 с.
15. **Дальний Восток России: из истории системы управления:** документы и материалы: к 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства / редкол.: Э. В. Ермакова и др.; сост. Н. А. Троицкая, А. А. Торопов. Владивосток, 1999. 233 с.
16. **Иконникова Т. Я.** Оформление отношений с консульским корпусом в Приамурском генерал-губернаторстве (1908-1912 гг.) // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 26-34.
17. **Инструкция пограничному комиссару Амурской области** // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1.
18. **Кирмель Н. С.** Германские шпионы торговали в Сибири швейными машинками «Зингер» // Военно-исторический журнал. 2002. № 4. С. 50-55.
19. **Обзор деятельности пограничного комиссара в Амурской области в период 1913-1914 гг. Отдел I (по части внутренней)** // ГАХК. Научно-справочная библиотека.
20. **Пекинский дополнительный договор об определении русско-китайских границ, порядке дипломатических сношений и о торговле в Кульдже от 2 ноября 1860 г.** // Русско-китайские отношения. 1689-1916: официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 142 с.
21. **Правила для сухопутной торговли с Кореею, заключённые в Сеуле 8 августа 1888 г.** // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключённых Россией с другими государствами. Изд-е 2-е. СПб., 1902. Т. 1. X+519 с.
22. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 958 (Канцелярия военного губернатора Амурской области). Оп. 1.
23. **РГВИА.** Ф. 1558 (Штаб Приамурского военного округа). Оп. 3.
24. **Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ).** Ф. 87 (Канцелярия военного губернатора Приморской области). Оп. 1.
25. **РГИА ДВ.** Ф. 702 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора). Оп. 1.
26. **РГИА ДВ.** Ф. 702 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора). Оп. 4.
27. **РГИА ДВ.** Ф. 1477 (Отдельного корпуса жандармов ротмистр, заведующий розыскным пунктом в г. Благовещенске). Оп. 2.
28. **Савченко С. Н.** Белая армия на Дальнем Востоке: возникновение и структура (сентябрь 1918 – февраль 1920 г.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): сб. науч. статей. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2000. Вып. 2. С. 36-69.
29. **Тимофеев О. А.** Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX в.). Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2003. 307 с.
30. **Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане** / сост. А. Г. Смирнов; под ред. В. Комисарчука. Владивосток: Русский остров, 2004. 336 с.
31. **Фонд Р-9119: Управление пограничного комиссара Амурской области. Благовещенск [1917-1921]** [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного архива Российской Федерации. Электронные описи. URL: <http://www.statearchive.ru/383> (дата обращения: 09.03.2015).
32. **Чимитдоржиев Ш. Б.** Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.
33. **Шмонин И. В.** Взаимодействие Уссурийского казачества с управлением пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Российской империи // Казачество Дальнего Востока России в XVII-XXI вв.: сб. науч. ст. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2011. Вып. 3. С. 85-91.
34. **Японский шпионаж в царской России:** сборник документов / под ред. П. Софинова. М., 1944. 219 с.

**PARTICIPATION OF FRONTIER COMMISSIONERS OF THE AMUR GENERAL-GOVERNOR'S
ADMINISTRATION IN COUNTERACTING FOREIGN INTELLIGENCE SERVICES
IN THE FAR EAST OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Sokolenko Artem Vasil'evich
Pacific National University
forum5022@mail.ru

The article reveals the backgrounds for the participation and role of the frontier commissioners of the Amur General-Governor's Administration in implementing the tasks of protecting the national security of the Russian Empire in the Far East at the beginning of the XX century. The author focuses on the mechanism for the interaction of the frontier commissioners of the Amur General-Governor's Administration with other bodies and institutions to counteract foreign intelligence services in the Far East of Russia at the beginning of the XX century.

Key words and phrases: The Far East; The Amur General-Governor's Administration; frontier commissioners; protecting national security; counterintelligence; foreign intelligence service; interaction.